

П. А. Хохлов в роли Демона.

Рисунок А. П. Ленского.

ре, другая — в Малом, несли в те трудные времена знамя идейного искусства.

«В нем было огромное чувство собственного достоинства», — вспоминает А. А. Яблочкина в неизданном очерке о Хохлове, — «и он пользовался необычайно высокой репутацией общественно-морального поведения, какой он мог равняться с нашей великой М. Н. Ермоловой. Это был человек кристально-чистой, благородной души».

После кончины Хохлова (1919 г.) Ермолова писала: «Всего себя Павел Акинфиевич отдал на служение искусству как артист, как человек — на служение всем людям. У него не было отказа ни для кого и в осо-

бенности для пуждающейся учащейся молодежи, которую он так любил... Великодушный и сердечный, он был любимейшим героем всех — и старых, и молодых, и всех, кому дорого родное искусство».

Эти слова полностью можно повторить про самое Ермолову. Она пережила Хохлова всего на девять лет, и он, — покинувший сцену в 1900 году в расцвете творческих сил, — был для нее примером подлинно изыскательного художника.

Когда Марию Николаевну уговаривали остаться на сцене (она покинула ее за семь лет до кончины), она отвечала:

«Лучше я уйду от театра, чем дожидаться того времени, когда театр уйдет от меня», — и ссылаясь на благородный пример Хохлова.

Огромное значение имело искусство Ермоловой для творчества другого замечательного артиста Большого театра — для Л. В. Собинюва.

В неизданном письме (1890 г.) он пишет о первом своем впечатлении от игры Ермоловой: «Я попал в Малый театр на «Татьяну Репину». Чорт знает, как хороша была Ермолова... Видел я эту драму в Ярославле. Какая разница в исполнении! Я теперь самый ярый поклонник Ермоловой».

В основе этого «поклонения» лежало чуткое проникновение в творческие приемы, в благородный стиль игры Ермоловой. Собинюв был увлечен ее гениальной способностью являть красоту в правде и всегда дорожить правдой в красоте создаваемых ею образов. Творчество Ермоловой и самое общение с нею всегда было для Собинюва не только лучшей школой высокого искусства, но и непрерывным великим уроком человечности и свободолюбия в искусстве и в душе художника.

«Шлю глубокий поклон великой артистке, славное имя которой всегда будет сиять в человечестве, как чистый и недосягаемый символ высокого служения разумному, доброму и вечному. Да здравствует светлая сила гоним; да здравствует великая душа, неисчерпаемый источник вдохновения; да здравствует наша дорогая Мария Николаевна Ермолова!». Эта телеграмма Собинюва, прочитанная на общественном банкете по случаю ухода Ермоловой из Малого театра в 1907 году, вызвала гром рукоплесканий: она была голосом Большого театра, протестующего против претерпеваемого Малым